

Не ошибается тот, кто ничего не делает

Чин Ху

Новая ночная тренировка с Дином по превращениям была интереснее предыдущих: теперь чуть возмужавший тигрёнок должен был сам выследить добычу. Чин не очень верил, что эта попытка будет успешной, но они не были дикими тиграми, и смерть от голода им не грозила, так что можно было пугать дичь в горах хоть каждую ночь. Это могло огорчить белых тигров, которые тоже иногда охотились в этих горах, и сифу Бо бывала недовольна, если на десятки ли от монастыря все кабарги были нервными и шуганными после очередной неудачной охоты, но Чин помнил, что и её подопечные тигрята не всегда охотились идеально, а их было вдвое больше, чем Дина.

Золотой тигр лежал на каменном уступе, свесив хвост, и флегматично смотрел, как Дин пытается учуять запах кабарги. Дичь находилась довольно далеко: где-то в километре от них, и это Чин чуял лишь потому, что у него было больше охотничьего опыта, чем у мелкого, который уже долго не мог понять, в какую сторону идти.

Дин Ху

В начале тренировки Дин безумно радовался тому, что может начать самостоятельную охоту. Через десять минут попыток учуять запах кабарги его пыл поутих, и сейчас он ходил кругами по полянке между кустов и нюхал песок и ветер, пытаясь учуять хоть что-то кроме горьковатого запаха тибетского разнотравья. Дину уже казалось, что кабарги в этих краях перевелись. Кстати, не мудрено: здесь было несколько тигров, большинство из которых – крупные и взрослые, им по одной кабарге на ужин надо, а горы не резиновые.

Дин фыркнул от попавшего в нос песка, затем чихнул и виновато посмотрел на отца, который сейчас ничего не подсказывал. В этот момент поднялся ветер, и в нем тигрёнок все же умудрился почуять едва уловимый запах мускуса, от которого во рту тут же скопились слюни. Дин галопом помчался в ту сторону, откуда дул ветер, и лишь через некоторое время, когда запах стал более сильным, замедлил ход и даже попытался красться.

Чин Ху

Вечность спустя, сяхуанди все же учуял добычу, которая разве что не сама пришла к нему на ужин. Чин лениво поднялся со своего места, отряхнулся от налипшей на шкуру сухой травы и бесшумной рысью устремился следом за мелким. Чин не шумел, но в этом не было смысла: Дин умудрялся топтать, как боевой конь, и лишь через какое-то время вспомнил, что нужно красться, а не появляться под звуки фанфар.

Кабарга была метрах в трехстах от них, и вела себя беспокойно, судя по едва уловимому стуку копыт и шуршанию камней, скатывавшихся по склону. Такую дичь сложно ловить: она мечется быстрее, чем успеваешь скорректировать прыжок, и

нужно долго ждать подходящего момента, усевшись в засаде.

Дина уже захватил охотничий азарт, и это было довольно забавно. Так котята играют с клубками ниток, а не серьезные хищники ловят настоящую добычу. Но стоило сделать скидку на то, что Дин еще тигрёнок, а играть в зверином облике ему некогда и не с кем.

Дин Ху

Дин крался, то и дело цепляясь за сухостой. Он прислушивался и принюхивался, и даже следил за тем, чтобы ветер дул от кабарги к нему, а не наоборот. Один раз из-за этого даже пришлось сделать довольно хитрый трюк, перебравшись за зарослями кустарника, когда ветер сменил направление. Тигрёнок пока не видел свою добычу, и мог ориентироваться только на слух и на нюх. Ночь была лунной и звездной, но горы сейчас скрывали все самое интересное, и как бы ни высовывал Дин голову из-за кустов, это не помогало ему разглядеть кабаргу, которая, судя по запаху, находилась очень близко.

Еще несколько тихих, условно бесшумных шагов вдоль зарослей, затем прокрасться на полусогнутых мимо горного склона, снова выглянуть, наострив уши, и вот она: скачет по горам, то щипая травку, то опасливо озираясь и куда-то перепрыгивая. Дин обернулся на отца, который мог сейчас отогнать его в сторону и начать охотиться самостоятельно. Тигрёнок, конечно, хотел прыгнуть на дичь, но не был уверен в успехе, а еще с прошлой охоты помнил, что свежая дичь – это вкусно.

Чин Ху

Дин подобрался довольно близко, кабарга могла приблизиться, сократив расстояние метров до трех, но вряд ли тигрёнку хватит прыжка, чтобы её настичь. Чин задумался, не стоит ли напасть самому, но все же решил дать Дину шанс. Он сам много раз промахивался на охоте, и такой опыт тоже бывал полезным. Не всегда же ходить с ним за компанию, когда ему вздумается выйти на охоту?

Чин затаился, присев так низко, что его практически невозможно было разглядеть в тени гор среди ветвей кустарника, несмотря на довольно светлый окрас. Все, что он планировал сделать в помощь сыну на этой охоте – не мешать. Пусть Дин ждет столько, сколько понадобится, ему должны подсказать инстинкты, несмотря на то, что юный возраст наверняка мешает выдержке.

Умение долго сидеть в засаде отличало тигров от многих других хищников. Тигры охотились в одиночестве за исключением тех случаев, когда обучали тигрят. Их некому было страховать, они не могли долго преследовать добычу, и потом должны были нанести один смертельный удар, а не рваться от нетерпения.

Дин Ху

Отец не стал охотиться, и Дин понял, что пробил его звездный час. Он прокрался еще ближе, хоть и немного сомневался, что тонкие клыки позволят столь же ловко расправиться с добычей, как это удалось в прошлый раз отцу. Папа говорил, что нужно сидеть и ждать, пока расстояние не станет минимальным, и Дин ждал, приготовившись к прыжку. Он переступал задними лапами и вертел попой, пытаясь

встать удобнее, чтобы прыжок получился более длинным. Кабарга их не видела, и постепенно подходила все ближе. Четыре метра, три. Это расстояние мог преодолеть взрослый тигр, но не Дин, который был еще нескладным тигрёнком, раза в три уступавшим в размерах отцу.

Кабарга жевала траву, Дин истекал слюнями и ждал. Казалось, это длилось вечность, но вот горный олень сделал еще шаг в его сторону, еще полшага, и тигренок почувствовал, что просто не может больше ждать. Он резко бросился из своего укрытия, не долетел с полметра до цели, и рванул следом за поскакавшей зигзагами от него кабарги. Олень петлял по горному склону, и Дин дико отставал, скатываясь по камням, цепляясь за ветки и царапая морду о заросли сухостоя. Кабарга будто оступилась, но затем резко свернула куда-то на не замеченную Дином тропу, в результате тигренок не только упустил дичь из виду, но еще и на полном ходу впечатался лбом в огромный валун, что поставило позорную, но логичную точку в этой охоте. Дин потряс головой и мяукнул.

Чин Ху

Чуда не произошло, и хоть Дин удивительно долго ждал подходящего момента, он все же не рассчитал длину прыжка. А после этого поступил так, как поступают все неопытные тигры: начал гнаться за дичью, веря, что её все равно реально догнать. Богатый охотничий опыт Чина однозначно утверждал, что при таком раскладе шансов поймать кабаргу не было, потому золотой тигр не стал гнаться следом, дожидаясь, пока мелкий сам сообразит, насколько бесполезна эта пробежка. Но Дин был упрям, и сдался он лишь после того, как не вписался в очередной поворот.

Чин отряхнулся и побежал к сыну. Он лизнул голову тигрénка, приглаживая вздыбившуюся шерсть. Тигры – не гепарды, на скорости не разбиваются, потому что быстро не бегают: в детстве нормальную скорость развить не получается, а с возрастом становится и лень, и, вообще, не царское это дело, уподобляясь кабаргам, скакать по горам.

Но сегодняшняя охота показала еще и то, что Дин пока не знал, на что сам способен, иначе бы не просчитался с прыжком. Дождавшись, пока Дин чуть придет в себя после погони, Чин позвал тигрénка за собой и побежал вперед по тропе, которая вела вверх.

Дин Ху

Как ни странно, голова не болела, и искры из глаз не сыпались, просто столкновение с горой было несколько внезапным. А еще было обидно, что кабарга все-таки убежала, и они остались без вкусного тигриного ужина. Дин потерся щекой о лапу золотого тигра, а затем побежал следом за ним, стараясь не оставить. Он уже не путался в лапах и мог на ходу перепрыгивать небольшие препятствия. Если бы он так бежал чаще, сегодня все могло бы сложиться удачнее.

Дин видел перед собой полосатый папин хвост, который старался не упускать из виду, будто этот хвост теперь стал заместителем умчавшейся кабарги. Тигренок бежал во всю прыть, чувствуя, что отец при этом не очень торопится. Ветки щекотали нос, песок попадал в глаза и в рот, а шкура снова чесалась, так, что хотелось остановиться и начать ловить воображаемых блох, несмотря на то, что

линька уже, вроде, закончилась.

Тигрёнок злился на себя, и этот бег позволял ему выплеснуть собственную ярость хоть в какую-то активность.

Чин Ху

Чин бежал по тропе, затем поднялся на вершину и, убедившись, что Дин не отстаёт, перемахнул через разлом между двумя уступами. Расстояние было не больше метра, такое под силу преодолеть даже домашней кошке, а внизу были лишь кусты, о которые невозможно разбиться, можно лишь расцарапаться. Когда это препятствие осталось позади, Чин помчался дальше, на этот раз по тропе вниз, но затем прыгнул с неё вбок, приземлившись на метр ниже. Пробежав ещё немного, он остановился и стал дожидаться Дина.

Эта тренировка не была опасной, но Чин не был уверен, что Дин не испугается и не застрянет где-то по дороге, жалобно мяукая, как перед тем, как плавать в ручье. У обычного тигра есть двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, чтобы учиться всем этим несложным трюкам. У оборотня – пара тренировок в месяц, на которых нужно научиться слушать внутреннего зверя. Этот внутренний зверь, вроде бы, и умеет все, что умеют его сородичи, но человек, который принимает звериный облик, ещё должен это понять. Да ещё и сохранить контроль над собственным сознанием, что делает превращения одной из самых сложных магических дисциплин.

Дин Ху

Они побежали выше, а затем папа прыгнул через самую настоящую пропасть. Дин ненадолго задержался, зажмурившись от страха, но затем решительно сиганул вперед, да так, что приземлился в полуметре от начала другого края пропасти. Оказывается, он даже умел прыгать. Эта удача воодушевила тигрёнка, и следующая часть пробежки прошла легче. Дин приземлился на четыре лапы, чуть почувствовав, что можно было сделать это мягче, затем замер, глядя на отца. Тигрёнок уже запыхался после охоты и пробежки, и сейчас он хотел хоть немного перевести дух.

В следующий раз он должен был лучше справиться с охотой, он же на самом деле умел прыгать! И можно, наверное, потренироваться самому, если папа перестанет запрещать перекидываться не при нём.

Дин повел носом и снова почуял в воздухе запах мускуса. Несмотря на то, что запах этот казался очень аппетитным, тигрёнок так устал, что сейчас не хотел заново преследовать добычу. Сейчас прыгнуть будет ещё сложнее, потому что убежавшиеся по горам лапы были тяжелыми.

Чин Ху

Дин справился с пробежкой, а затем учуял новую добычу. Чин лишь фыркнул: он был уверен, что на сегодня охоты и беготни с Дин достаточно. Дома ждала Дани, которая без энтузиазма воспринимала идеи с ночными тренировками, потому что Дин ещё мог догадаться хвастаться перед Мином, которому в это время точно нужно спать.

Чин принял человеческий облик, после чего также велел сыну превращаться обратно. Несмотря на то, что тигрёнок так и не поймал сегодня дичь, он приобрел ценный опыт. Вскоре Дин сможет охотиться самостоятельно, ему для этого нужно было только немного подрасти и набраться опыта. Он рос в роскошного зверя, сейчас это было все более заметно: огромные тяжелые лапы, длинное тело, большая голова говорили о том, что взрослый тигр будет сильным и крупным, это сейчас он немного нескладный из-за того, что растет быстрее, чем успевает это осознать. Тигр, которым становился Дин, менялся даже по сравнению с каждым предыдущим занятием, и тут было грешно винить ребенка в том, что он сам не понимал, какой длины у него лапы, и как далеко он может прыгнуть.
